

**МЕСТО СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ В ТЕХНО-
ИНФОРМАЦИОННОМ ОКРУЖЕНИИ КАК
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА ПРИМЕРЕ
СТАТЕЙ А. СКИДАНА И С. ОГУРЦОВА):
ОТ МУЛЬТИМЕДИА К ПОСТМЕДИАЛЬНОСТИ
И ДИСКУРСИВНЫМ ПРАКТИКАМ**

Аннотация. В статье рассматривается то, как критика начала XXI века стремилась определить место поэзии в современной культуре, учитывая влияние новых средств передачи информации. В центре внимания – статьи Александра Скидана и Сергея Огурцова, посвященные проблеме позиционирования современной поэзии. Автор анализирует, в чем оба критика видят кризисность современной ситуации для поэзии, а также какие пути-выходы из этого кризиса они обсуждают. Если Александр Скидан, отталкиваясь от контекста современной медиасреды, утверждает кризис материальности языкового знака и определяет поэзию как практику, исключенную из современной техно-социальной прагматики «массмедийного капитализма», то Сергей Огурцов говорит о необходимости выйти за границы медиума, чтобы поэзия могла избавиться от дискредитировавшего себя лингвоцентризма. В финале статьи предложены возможные варианты развития этих рефлексий в современных условиях.

Ключевые слова: современная поэзия, литературная критика, технологии, медиа, лингвоцентризм.

**THE POSITION OF CONTEMPORARY POETRY IN
THE TECHNO-INFORMATIONAL ENVIRONMENT
AS A THEORETICAL PROBLEM (ON THE
EXAMPLE OF THE ARTICLES BY A. SKIDAN
AND S. OGURTSOV): FROM MULTIMEDIA TO
POSTMEDIALITY AND DISCURSIVE PRACTICES**

Annotation. The article examines how the literary criticism of the 21st century tries to determine the place of poetry in culture, taking into account the influence of new media. The paper focuses on several articles by literary critics and theorists Alexander Skidan and Sergey Ogurtsov. The author analyzes how they consider a poetic crisis in the current situation, and also what ways out they are discussing. Alexander Skidan defines poetry as a practice which is excluded from techno-social pragmatics of mass media capitalism. Sergey Ogurtsov discusses a possible way for poetry to go beyond the boundaries of a medium. At the end of the article possible developments of these reflections are proposed.

Keywords: contemporary poetry, literary critics, technologies, media, linguocentrism.

1. Современные технологии не только предлагают нам взаимодействовать с *новыми* цифровыми явлениями (например, с программным кодом), но и позволяют осуществлять реконфигурацию отношений с *уже известными* явлениями, – которые сегодня для того, чтобы реализоваться, тоже нуждаются в цифровом (компьютерном) опосредовании, например, с текстом. По своим принципам наши связи с цифровыми артефактами близки к письму и чтению, но это не вполне привычные нам письмо и чтение [22: 50], поскольку они имеют дело с другой (цифровой) материальностью и новыми средствами

коммуникации. Инаковость этих процедур работы с текстом подкрепляется появлением новых теорий в современном гуманитарном знании, связывающих развитие цифровых технологий с трансформацией чтения: например, концепции сканирующего [35; 36] и гиперчтения [32: 69], а также изучение специфики письменной коммуникации, представленной на экране [28; 31]. Изучение литературы тоже сегодня становится иным, так как с помощью обработки массивов данных книга может быть теперь помыслена в намного более широком контексте [17].

В этой ситуации поэзия может быть рассмотрена как особый инструмент символического действия в цифровой среде, обладающей лингвоцентристским компонентом [30]. Это касается не только техник поэтического письма, но и – не менее остро – вопроса позиционирования современной поэзии в изменившемся культурном ландшафте. Последний ракурс размыкает проблему взаимодействия поэзии и технологии в область «науки о литературе» в целом (истории литературы и поэтики).

Такое размыкание имеет важное методологическое значение для филологии. Илья Кукулин пишет в своей статье «Прорыв к невозможной связи» о том, что изучение современной литературы может помочь выработать новые подходы и в литературоведении в целом – по аналогии с тем, как формалистам удалось синтезировать «новаторскую методологию исследования во многом благодаря их вниманию к опыту современной им литературы и возникновения новой *медиа*- и эстетической среды» [15: 314]. Отметим, что и для современных филологических исследований, направленных на формирование методологии, которая была бы адекватна сегодняшнему состоянию литературы, этот техно-информационный контекст тоже важен.

2.

За последние двадцать лет был опубликован целый ряд работ, старающихся разобраться в том, как можно говорить о поэзии в окружении современных медиа. Здесь можно выделить несколько подходов. Техно-информационный контекст может выступать в таких статьях, как: 1) источник формальных изменений поэтического текста (например, инфографика, которую теперь можно включать в стихотворения); 2) контекст для рецепции (при изучении поэзии следует теперь считаться с упомянутыми выше изменениями чтения); 3) основание для выделения новых эстетических норм (например, связанных с проблематизацией категории авторства); 4) своего рода катализатор рефлексии – то, что позволяет переопределить место поэзии в культуре.

Один из первых текстов, в котором началась разработка этой проблематики, – статья Дарьи Суховой «Круги компьютерного рая» (2003), посвященная семантике графических приемов в текстах поэтов 1990-2000-х годов. Эта статья имеет переходный характер: хотя Суховой говорит в основном о визуальных параметрах поэтического текста, она объясняет их изменение следующим образом: «Причинами этого [изменения в поэзии] мы считаем 1) новое эстетическое сознание и, как следствие, новое отношение к тексту и 2) переход (среди большей части младшего поэтического поколения) к записи текстов на компьютере и к распространению их в интернете» [24]. Однако аналитика связи между двумя этими пунктами остается задачей для более поздних работ.

Отчасти попыткой осмыслить это соединение является статья Олега Аронсона «Народный сюрреализм», вышедшая в 2006 году. Автор пишет, что способ функционирования поэзии в интернете близок основополагающему эстетическому принципу сюрреалистов – случайности как попытке сделать

неактуальное актуальным. «Те скорости, которые превышают возможности “трудящейся души”, те состояния максимальной восприимчивости, которые сюрреалисты пытались высвободить с помощью искусства случайности и автоматического письма, обнаруживают себя в медиа. Это происходит благодаря самой технологии интернета» [3]. Однако культурная функция, которая в этой работе приписывается техно-информационному окружению, имеет значение только для очень специфического ряда текстов, поскольку Аронсон говорит об «интернет-поэзии»⁶⁰ только как о форме существования массового (анонимного) письма. Более того, характер этих текстов вряд ли исчерпывается местом их публикации: наивная поэзия существовала и до появления интернета, просто была менее видима. При этом воздействие новых медиа на остальные типы поэтического письма (не массового и не анонимизированного) остается затронутым в тексте Аронсона только вскользь.

Гораздо подробнее об эстетическом смещении, вызванном цифровыми технологиями, пишет Алексей Парщиков в статье, посвященной поэтическим текстам Ники Скандиаки. Здесь техно-информационный контекст, выраженный в основном обращением к «киберпространству», нужен для того, чтобы наметить возможные методы восприятия поэзии Скандиаки. Парщиков объясняет сочетание дискретности и повторов в ее письме комбинаторным потенциалом цифровой среды, создающим вариативное прочтение текста: «Фрагмент у Скандиаки словно включен в образ информационного электронного потока, и есть загадочное предчувствие, что стихотворение в результате обязательно “срастется” – если не на нашем экране, то на каком-нибудь другом. <...> Формулировка М. Л. Гаспарова “замысел доступен нам только через воплощение” здесь

⁶⁰ См. также исследовательскую работу Хенрике Шмидт по интернет-фольклору: Schmidt H. Russische Literatur im Internet: Zwischen digitaler Folklore und politischer Propaganda. – Bielefeld: Transkript, 2011.

не всегда подходит. Потому что мы сталкиваемся с текстуальным пространством, имеющим черты киберпространства (cyberspace)» [21]. Подчеркнутое обращение к современным цифровым технологиям здесь хотя и остается в большей степени способом говорить об индивидуальном авторском идиостиле, все же представляет собой оригинальную попытку определить новые качества фрагмента в интернете, который эфемерностью своего присутствия преодолевает тиражируемость «произведения в эпоху технической воспроизводимости» [8] и производит эффект «возвращения ауры». Впрочем, речь пока не идет о переопределении места самой поэзии.

Рассмотрение технологической проблематики как средства фундаментальной реконтекстуализации поэзии как культурной практики в русскоязычном контексте происходит немного позже, ближе к 2010-м годам. В рамках этого исследования мы подробнее обратимся к двум авторам, занятым этой проблемой. Речь пойдет о конкретных работах – о статье Александра Скидана «Поэзия в эпоху тотальной коммуникации» (2007), предвосхитившей популяризацию этого ракурса, и ряде связанных между собой текстов Сергея Огурцова («Кроме языков и тел» [19], предисловии к книге Никиты Сафонова «Разворот полей симметрии» [18] и «Нейротекст, или практика выращивания невозможных тел» – предисловии к книге Евгении Сусловой «Животное» [20]). С одной стороны, авторы по-разному отмечают динамику культурных процессов. С другой стороны, они оба пишут, исходя из сформировавшегося к 2010-м годам ощущения необходимости заново определить место поэтического высказывания. Многообразие поэтических методов 2000-х, связанных с соединением противоречивых, «мерцающих» контекстов, из которых каждый раз заново собирается субъект [15], к 2010-м годам сталкивается с ощущением своей предельности и следующей из этого необходимости в новой контекстуализации, в том числе такой, которая была бы чувствительна к

медиа среде, которая к 2010-м годам тоже усложняется и становится более всепроникающей.

Александр Скидан начинает свою статью «Поэзия в эпоху тотальной коммуникации» [23] с указания на значимость мультимедийных средств, к которым обращаются современные поэты (группы «Орбита» [Латвия] и «Дрэли куда пошло» [Санкт-Петербург, Россия], театр поэтов «Послушайте!» [Санкт-Петербург] и другие). При этом внимание поэзии 2000-х к изображению и звуку почти сразу определяется в тексте Скидана как симптом, указывающий на «ощущение девальвации, неэффективности слова как такового» [23: 213]. Здесь он развивает тезис Дмитрия Голышко-Вольфсона, отмечающего недоверие к текстоцентричности, выраженной в деятельности рижской группы «Орбита» [12: 95]. Контекстуализируя поэзию в связи с новыми технологиями, Александр Скидан говорит прежде всего о тех из них, которые так или иначе связаны с визуальностью, массмедиа и дистанционным управлением.

Стараясь обнаружить то культурное значение современных медиа, которое может быть наиболее влиятельным для поэтического письма, Скидан обращается к Полю Вирилью. Французский философ пишет об индустриализации и автоматизации современного восприятия, оснащенного «оптическими протезами» [11], которые дают возможность видеть лучше и больше, но одновременно приводят к индустриализации взгляда и кризису репрезентации. Агрессивная активация «сенсомоторных реакций», которую, следуя мысли Вирилью, производит мультимедиа, требует от воспринимающего ярких ответных эмоций и аффектов. Текст (в частности, поэтический) оказывается менее требовательным и потому как бы недостаточным для современного автоматизированного восприятия. Развивая тезис Скидана, можно сказать, что этот недостаток заставляет переоценить материальность языкового знака: если раньше поэтического слова было достаточно для аффектации реципиента,

то сейчас оно не выдерживает конкуренции с более прямолинейным воздействием мультимедиа. Девальвация слова и обращение в поэтических экспериментах к звуку/изображению связываются Скиданом именно с этим: поэзия подключается к мультимедиа, чтобы заново соприкоснуться с материальным основанием (с «чувственной реальностью» [23: 217]), попытка прорваться к которому было доведена ей до предела в историческом авангарде и затем исчерпана. Текст как медиум, в свою очередь подменяющий «израсходованную» материальность языкового знака, не выдерживает конкуренции с мультимедиа за внимание реципиента.

Для Скидана такое поражение поэзии является поводом для рассмотрения ее исключенности из современной техно-капиталистической ситуации как особой проблемы. Пересмотр места поэтического высказывания соединяется здесь с критикой массовой культуры, которая оснащена техникой как инструментом социального и биологического подчинения: управляя реакциями людей (например, с помощью яркой, аффектирующей на биологическом уровне подачи), она создает условия для некритического принятия информации. Поэзия же, как пишет Скидан, не может совпасть с такой прямолинейностью массовой культуры и поэтому соотносится с ней только через разрыв: «закрытая символическая экономика» [23: 223] современной поэзии анахронистична и никогда не совпадает с глобальностью капитализма массовой культуры. Этот тезис позволяет говорить о генетической связи концепции Скидана и сформировавшейся в XX веке традиции критики массовой культуры [1; 13; 25]. Переключаясь с этими теориями указывает на специфику трактовки техно-информационной среды в тексте Скидана: она осмысливается как аппарат подавления, который важен для определения поэзии не как источник важных аналогий, но как что-то враждебное, с чем поэзия может иметь дело только через разрыв и исключение.

Нахождение в этом разрыве осмысляется здесь как имманентное свойство поэзии, перекодирующееся в разных исторических периодах, но остающееся неизменным, а также как продолжение той роли, которая приписывалась ей философской традицией от Хайдеггера [26] до Бланшо [9] и с некоторыми оговорками – Бадью[5]⁶¹. Соединение поэзии и техники в контексте статьи Скидана принимает значение связи между поийесисом и техне в хайдеггерианском ключе⁶², то есть удержание изначальной генетической связи поэзии и техники, обусловленной их греческим сближением в понятии «поийесиса» как творчества и «техне» как знания или способности, направленной на производство. Скидан пишет, что своего рода память об этом концептуальном сближении поддерживает современная поэтическая практика по аналогии с тем, как это было в предыдущие времена, отмеченные подъемом поэзии в культуре (например, в эпоху Гельдерлина или Целана [23: 224]). При этом критик указывает на то, что внутреннее основание поэтического в этом случае остается одним и тем же вне зависимости от времени и представляет собой разрыв, в котором предполагается найти утопический потенциал общественного объединения [23: 224]. Таким образом, он говорит о своего рода внутренней гомологии всех ключевых этапов в развитии поэзии: схожесть «скудной эпохи» Гельдерлина и техно-медиированной эпохи «тотальной коммуникации» основана на том, что кризис, о котором говорит Скидан, все еще разворачивается в рамках истории линейного письма, поскольку аналогии для современного позиционирования поэзии могут быть найдены и в других эпохах.

⁶¹ Однако в статье Скидана «Поэзия в эпоху тотальной коммуникации» нет прямых ссылок именно на интерпретацию Бадью.

⁶² См. «Вопрос о технике» М. Хайдеггера: «Чем было искусство? Пусть на краткое, но высокое время? Почему оно носило скромное и благородное имя “техне”? Потому что оно было являющим и выводящим раскрытием потаенности и принадлежало тем самым к “поийесису”. Это слово стало в конце концов именем собственным того раскрытия тайны, которым пронизаны все искусства прекрасного, – поэзии, созидательной речи» (пер. В. В. Бибихина) [26: 238].

Эту особенность статьи Скидана отмечает Сергей Огурцов. Если для автора «Поэзии в эпоху тотальной коммуникации» источником беспокойности по поводу веса поэтического слова становятся мультимедиа, вытесняющие поэзию, то для Огурцова проблема, освещаемая Скиданом, на самом деле связана с кризисом текста, который развился вследствие лингвоцентризма XX века и роста технологизации общества. Следуя логике статьи Огурцова «Кроме тел и языков» [2013], опубликованной в номере литературно-теоретического альманаха «Транслит», посвященном «языковой поэзии», стоит начать говорить о переоценке места поэзии с того, чтобы проанализировать место текста как медиума и линейного письма в целом, с которым она отождествила себя [19].

В другой программной статье Огурцова «Нейротекст или практики выращивания невозможных тел», предваряющей вторую книгу Евгении Сусловой «Животное», вышедшей в независимом издательстве «Красная ласточка» в 2016 году, критик размечает позиции поэзии в широком современном контексте, которые на деле оказываются крайне противоречивыми. В некоторых аспектах поэзия для Огурцова оказывается очень близка к другим практикам современной техно-информационной реальности: например, она создает среды (как программирование) и получает доступ к нашему опыту (как современные нейрофизиологические исследования), но эта близость скорее вызов для нее, чем способ аффилиации с современностью. Основание для этого утверждения Огурцов находит в предположении, что поэзия – это определенный доступ к языку и к нашему опыту. Соответственно, когда аналогичный доступ оказывается захвачен другими (техно-информационными) практиками, то поэзия потеряет свою уникальность: «Если поэзия не утвердит себя в новой технико-социальной ситуации, то просто исчезнет» [20].

Огурцов обосновывает усложнение отношений между языком и поэзией переходом общества к экономике когнитивного капитализма, соединяющего ускоренный технический прогресс с эксплуатацией языка. Связь прогресса, капитала и лингвоцентризма становится опорной точкой для переопределения роли поэзии в его статьях. Современный техно-капитализм меняет роль текста, способствуя массовому производству «пре-текстов для программ» [31], которые означают завершение предыдущей истории линейного письма, с которым была связана концептуализация поэзии, какой мы ее знали. По Огурцову, на долю поэтического письма в этой ситуации выпадает не отождествление с текстом и не исключение из медиасреды, но активная рефлексия своих оснований, которые оказываются лишены имманентного разрыва с современной техно-капиталистической ситуацией (в отличие от интерпретации места поэзии у Александра Скидана).

Чтобы найти основания, которые помогут предотвратить растворение поэзии в инструментальности и коммерциализуемости «пре-текстов», Огурцов опирается на формулу материалистической диалектики Алена Бадью: «Существуют только тела и языки, а кроме того еще существуют истины» [4]. Это утверждение важно в свете рассматриваемых статей прежде всего своим антилингвоцентрическим потенциалом, утверждающим наличие в символическом пласте культуры не только «языков», но и внеязыковых «истин». Этот бадьюанский тезис позволяет Огурцову сделать предположение о возможном переосмыслении отношений поэзии с языком: «можно помыслить язык состоящим не из знаков, а из следов (истин), тогда наименьшей значимой лингвистической единицей будет не слово, а концепт, наименьшей смыслообразующей формой – не высказывание, а идея» [19].

Продолжение рефлексии на эту тему происходит в концептуальном предисловии Огурцова ко второй книге Никиты Сафонова «Разворот полем симметрии» [2015], вышедшей в престижной серии издательства НЛО для авторов младшего на

тот момент поколения. Здесь Огурцов развивает свою мысль о независимости поэзии от медиума (текста и языка), утверждая современную ситуацию как постмедиаальную [14], то есть ту, в которой медиум перестает играть решающую роль, уступая место иным отношениям, чем отношения медиум/сообщение, средство/форма. Ссылаясь на критика современного искусства Станислава Шурипу, который также писал о постмедиаальной ситуации, но в применении к визуальному искусству, Огурцов говорит об искусстве когнитивной эстетики [29], которое имеет дело с логической организацией связей между универсалиями языка и сознания. Этот постлингвоцентристский ракурс нужен Огурцову, для того чтобы указать на потенциальность преодоления поэзией притяжения медиума и кризиса линейного письма.

Для того чтобы предложить альтернативу укорененности поэзии в языке, Огурцов пытается пересмотреть само основание лингвоцентризма. Он обусловлен во многом строгой оппозицией средства и формы (медиума и сообщения) структуралистской семиотики [7], которую Огурцов в своих поздних текстах пытается снять введением вместо нее различия среда/объект, взятого, в частности, из современных экологических философских теорий (например: [34]) и восходящего к пересмотру отношений между объектом и его окружением в теории современного французского философа и антрополога Бруно Латура [16].

Генеалогия этой оппозиции объекта и среды, которая должна заменить средство/форму предыдущей культурной парадигмы, связана с антикорреляционизмом в новейшей философии. Антикорреляционизм важен здесь для понимания позиционирования поэзии в современности, так как этот философский проект пытается преодолеть ряд устойчивых корреляций предыдущей философской традиции, в том числе корреляцию мышления и мира, выраженную в языке. Установки антикорреляционизма на пересмотр оснований этих отношений тянут за собой изменение в понимании репрезентации, поскольку та

связана с опосредующим действием человеческого восприятия, поддерживаемого эпистемологическим неравенством между познающим субъектом и миром [2]. Основание репрезентации ставится антикорреляционистским проектом под вопрос, особенно если это касается языковой репрезентации. В таком случае, антикорреляционизм становится средством преодоления лингвоцентричности современной техно-капиталистической культуры. В поэзии, как об этом предлагает думать Огурцов, это должно выразиться в перераспределении отношений между языковым знаком и его концептуальным наполнением. Это перераспределение, развивая дальше тезис критика, определяет место поэзии в современной техно-информационной ситуации особым образом: позиция поэзии формируется исходя из того, насколько сама поэзия способна занять независимое от медиума положение («пройти не к новым средствам [= медиумам – *A. P.*], но от них» [18: 8]).

Можно заметить, что линия Скидана, связанная с определением места поэзии в техно-информационных условиях начала XXI века, как продолжается, так и критикуется Огурцовым. Последний тоже учитывает техно-экономическую реальность, воздействующую на распределение сил в современной культуре, и в его случае стремление определить позицию поэзии тоже связано с тем, что предыдущая концептуализация ее места теперь не находит убедительных оснований. Что касается ключевого разногласия двух критиков, то оно выражено в том, что Огурцов смещает акцент с кризиса поэзии, на котором настаивает Скидан, на кризис медиума (текста), что приводит его к осмыслению современной ситуации как постмедиальной. Соответственно, если в случае текста Скидана можно говорить о разрыве с техно-информационной реальностью, в которой пребывает поэзия, то для Огурцова имеет значение не разрыв, но скорее побег – ускользание от привязки поэзии к тому или иному медиуму.

На кризис, таким образом, дается два разных ответа: 1) отделение поэзии от техно-информационной среды с помощью другого медиума (текста) и других средств воздействия (не агрессивной «сенсомоторной активации» мультимедиа, но более «холодного» воздействия письма), невключенности в капитализм (как об этом говорит Скидан); 2) признание формирующего воздействия техно-информационной реальности, отделение поэтического не по медиальному признаку, но по потенциальности выхода за границы обусловленности средством передачи информации (то, что предлагает Огурцов).

	Александр Скидан «Поэзия в эпоху тотальной коммуникации» (2007)	Сергей Огурцов «Кроме тел и языков» и другие тексты (2013, 2015, 2016)
От каких проявлений техно-информационной среды отталкивается?	мультимедиа	постмедиальность
Какой кризис подразумевается?	кризис в рамках истории линейного письма	внеисторический кризис
Какая экономическая реальность за ним стоит?	капитализм массовой культуры	когнитивный капитализм
Что при этом происходит в поэзии?	утрата материальности языкового знака	переосмысление отношений языка и сознания
Какой вывод относительно положения поэзии предлагается?	поэзия как исключение	выход поэзии за границы медиума

Этот концептуальный переход от перспективы, предложенной Скиданом, к перспективе, проявляющейся в теоретических текстах Огурцова, симптоматичен для начала XXI века, поскольку отношения медиума и сообщения, актуализированные в середине XX века лингвистическим поворотом в культуре и популяризацией кибернетики, к новому столетию сменяются другими теориями – антикорреляционизмом в философии, «симметричной антропологией» [16] в социальных науках, реляционной эстетикой [10] в искусстве и т.д. Они подразумевают *отход от текста-объекта как фундаментальной метафоры современной культуры*. В этом смысле постановка проблемы в работе Скидана и ее критическое развитие у Огурцова оказываются своевременными, хотя эта своевременность оказывается схвачена каждым из них на разных этапах, о чем шла речь выше. Однако в их статьях мало рассмотрен материальный аспект, который тем не менее становится важным с приходом новейших теорий, сменяющих (пост)структуралистскую парадигматику XX века. Огурцов почти не упоминает о материальности, с которой может иметь дело поэзия, Скидан же пишет об этом несколько подробнее, но в основном говоря о дискредитированной материальности текста, чье воздействие уступает сенсорной мультимедийной аффектации. Однако этот взгляд на проблему сейчас может быть пересмотрен, так как с момента публикации статьи прошло уже более десяти лет и культура в некоторых своих аспектах изменилась.

Сейчас, как нам кажется, остается открытым вопрос, как поэзия может действовать в современной техно-информационной среде, имея с ней дело в ее материальной данности. Для осмысления этого вопроса уже сейчас можно обозначить несколько потенциальных направлений. Одно из них – обратить внимание на информацию как проблему гораздо более широ-

кую, не просто контекстуальную: например, подумать о связи материальности информации и материальности языкового знака, подразумевающей сохранение антикорреляционистского теоретического ракурса, избегающего лингвоцентричности. В этом случае технологическое понимание информации, распространённое на сферу символических процессов культуры, может способствовать продуктивному остранению привычной семиотической проблематики, поскольку такое понимание «отделяет значение как от средств, так и от процесса передачи информации, выявляя структурные и процедурные условия протекания информационных процессов» [33: 20].

С другой стороны, возможное продолжение концептуализации поэзии в новых условиях с учетом материальности – это обращение к поэзии как к одной из «материально-дискурсивных практик» [6]. Возможно, что оно позволит сместить осмысление поэзии в ее связи с языком (как происходило, например, с «языковой поэзией») или с внеязыковыми концептами (о которых пишет Огурцов) в область процессов взаимодействия между разного рода *практиками* – как связанными с языком и речью напрямую, так и не имеющими никакого отношения в нем. От понимания дискурса, свойственного постструктурализму XX века, эта интерпретация отличается тем, что в такой картине дискурсивные процессы не центрируют вокруг себя все остальное – у них нет привилегии доступа к миру. Наоборот, они здесь становятся одними из многих других процессов. Это равенство разных практик может позволить подойти к определению места поэзии с учетом самых разнообразных процессов: как теоретических (вроде осмысления выбора того или иного подхода к письму), так и материальных (например, в какой программе пишется текст, какая вообще может быть «инфраструктура» у письма). «Практикоориентированность» в этом случае может привести к де-фетишизации текста, которая возможна при условии более процессуального и сложного понимания поэзии

как процесса, в который включено множество регуляций и настроек. В таком случае говорить о поэзии придется в еще более широком контексте, а сами границы ее как объекта изучения будут постоянно изменяться, что потребует, возможно, серьезной трансформации методологического аппарата филологии.

В целом же можно сказать, что процесс (пере)определения места поэзии в культуре происходит непрерывно и вряд ли когда-либо может быть исчерпан: меняются условия, меняется постановка вопросов, поэтому уже через несколько лет концептуализации, которые еще сегодня кажутся совершенно непроблематичными, могут потребовать дополнения и/или уточнения. Техно-информационный контекст, на протяжении всего XX века влиявший на самоописание культуры, сейчас становится не просто фоном, от которого следует скептически или алармистски оттолкнуться, как мы видим это во многих работах XX века, но более тонким источником влияния, далеко не всегда действующим однозначно и требующим особого исследовательского внимания.

Литература

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения: философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. – М.-СПб: «Медиум», «Ювента», 1997.
2. Айрленд Э. Шум: онтология авангарда / Пер. с англ. А. Родионовой, А. Тальского // Сигма. – 2020. URL: <https://syg.ma/@rannaodionova/emi-airliend-shum-ontologhiia-avangharda> (дата обращения: 15.10.20).
3. Аронсон О. Народный сюрреализм // Синий диван, 2006. – № 8.
4. Бадью А. Манифест философии / Сост. и пер. с фр. В. Е. Лапицкого. – СПб: Machina, 2003.
5. Бадью А. Тела, языки, истины / Пер. с фр. Н. Козыревой // Скепсис. – 2006. URL: https://scepisis.net/library/id_1974.html (дата обращения: 20.10.20).

6. Барад К. Агентный реализм / Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология / Сост. Крамар М., Саркисов К. – М.: V-A-C Press, 2018.
7. Барт Р. Нулевая степень письма / Пер. с фр. Госиков Г. и др. – М.: Академический проект, 2008.
8. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / Пред., сост., пер., прим. С. А. Ромашко. – М.: «Медиум», 1996.
9. Бланшо М. Путь Гельдерлина / Пер. с фр. Б. В. Дубина // Бланшо М. Пространство литературы. – М.: Логос, 2002.
10. Буррио Н. Реляционная эстетика / Постпродукция. – М.: Ad Marginem, 2016.
11. Вирильо П. Машина зрения. – СПб: Наука, 2004.
12. Голышко-Вольфсон Д. На орбите непрозрачных идентичностей // Новая русская книга. – 2001. – № 1. – С. 95.
13. Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович. Ред. Б. Скуратов. Послесловие А. Кефал. – М.: Издательство «Логос», 2000.
14. Краусс Р. «Путешествие по Северному морю»: искусство в эпоху постмедиальности. – М.: Ad Marginem, 2017.
15. Кукулин И. В. Прорыв к невозможной связи. (Поколение 90-х в русской поэзии: возникновение новых канонов) // Прорыв к невозможной связи: статьи о русской поэзии. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2019.
16. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. Пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.
17. Моретти Ф. Дальнее чтение / Пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука и А. Шели; под науч. ред. И. Кушнаревой. – М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
18. Огурцов С. Вместо предисловия // Сафонов Н. Разворот полем симметрии / Пред. С. Огурцова. – М.: Новое литературное обозрение, 2015.
19. Огурцов С. Кроме тел и языков // Транслит, 2013. – № 13.

20. Огурцов С. Нейротекст, или практики выращивания невозможных тел // Сулова С. Животное / Пред. С. Огурцова. – Нижний Новгород: Красная ласточка, 2016.
21. Парщиков А. Возвращение ауры? // Скандиака Н. [12/7/2007] / Предисл. А. Парщикова. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 112 с.
22. Сачмен Л. Реконфигурация отношений человек – машина: планы и ситуативные действия / Пер. с англ. А. С. Максимовой; под ред. А. М. Корбута. – М.: Элементарные формы, 2019.
23. Скидан А. Поэзия в эпоху тотальной коммуникации // Воздух. 2007. – № 2.
24. Сухой Д. Круги компьютерного рая. (Семантика графических приемов в текстах поэтического поколения 1990-2000-х годов) // НЛО.– 2003. – № 4.
25. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А. В. Дьяков. – СПб: Наука, 2010.
26. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В. В. Биbihина. – М.: Республика, 1993.
27. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гельдерлин. Рильке. Трагль / Сост., пер с нем. и посл. Н. Болдырева. – М.: Водолей, 2017.
28. Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесловие И. К. Стаф. – М.: Новое издательство, 2006.
29. Шурипа С. Произведение искусства как эффект когнитивной оптики // Художественный журнал. 2009. № 71-71. (<http://moscowartmagazine.com/issue/21/article/326> (дата обращения: 15.10.20).
30. Bishop C. The Digital Divide: Contemporary Art and New Media // Artforum. 2012. URL: <https://www.artforum.com/print/201207/digital-divide-contemporary-art-and-new-media-31944> (дата обращения: 24.09.2020).
31. Flusser V. Does writing have a future? Minneapolis: University of Minnesota Press, 2011.
32. Hayles K. How We Think: Digital Media and Contemporary Technogenesis. Chicago: The University of Chicago Press, 2012.

33. Malaspina C. An Epistemology of Noise. – New York: Bloomsbury Academic, 2018.
34. Morton T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013.
35. Nelsen J. How users read on the Web. URL: <https://www.nngroup.com/articles/how-users-read-on-the-web/> (дата обращения: 24.09.2020).
36. Pernice K. F-Shaped Pattern of Reading on the Web: Misunderstood, But Still Relevant (Even on Mobile). URL: <https://www.nngroup.com/articles/f-shaped-pattern-reading-web-content/> (дата обращения: 24.04.2020).

Родионова Анна Андреевна – магистр филологии, аспирант Школы филологических наук Национального исследовательского университета Высшей школы экономики.

Rodionova Anna Andreevna – MA in philology, National Research University Higher School of Economics; School of Philology; graduate student.

У. Ю. Верина (Минск, Беларусь)

«ПОЭТ – ЧЕЛОВЕК С ЧУВСТВОМ БЛИЗОСТИ ЦАРСТВА ИЛИ САДА...»: ПОЭЗИЯ БЕЛАРУСИ АВГУСТА-СЕНТЯБРЯ 2020 г.

Аннотация. В августе-сентябре 2020 г. в Беларуси произошла гуманитарная катастрофа. Ее последствия не преодолены, однако эти два месяца являются исторической границей, разделившей время на «до» и «после». Несомненно, что имеет место коллективная травма, и позиции «вне» не существует. Однако граница, разделяющая время «нормы» и «травмы», проходит не на рубеже лета-осени этого года, а отодвигается к 1994 г., времени прихода к власти диктатуры. Поэзия, созданная в 2020 г. одновременно с переживанием событий, не имеет прошедшего времени, а также мотива памяти и утраты, свой-